

Lebedeva, G. N. (2021). HOMO ACADEMICUS. Part I. Scientific and Public organizations of the Russian Empire: between state responsibility and private initiative. *Eastern European Humanitarian Collection of Mini Monographs. European Scientific e-Journal*, 7, 58–102. Hlučín. (In Russ.)

DOI: 10.47451/his2020-12-006

The paper is published in Crossref, ICI Copernicus, BASE, Zenodo, OpenAIRE, LORY, J-Gate, Academic Resource Index ResearchBib, ISI International Scientific Indexing, ADL, JournalsPedia, Mendeley, eLibrary, and WebArchive databases.

Galina N. Lebedeva, Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Department of Philosophy, A.S Pushkin Leningrad State University. St. Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0002-6217-9929

HOMO ACADEMICUS

Part I.

Scientific and Public Organizations of the Russian Empire: Between State Responsibility and Private Initiative

Abstract: Homo academicus was the title of a book by Pierre Bourdieu, published in Russia in 2017. Research of the person, his chances in the period of formation of scientific organizations – a research topic. The monograph is devoted to the development of scientific organizations of the Slavic peoples. The philosophical and anthropological grounds for the preservation of cultural heritage and creation in the Russian Empire in the 18th and first half of the 19th centuries are considered. The author traced how the scientific and practical activities of Russian statesmen and scientists formed programs and institutions for the preservation of cultural heritage. The author concludes that the processes of nation formation are closely connected with national culture, the formation of cultural centers, the dissemination of education, the press, etc. At the time of the formation of the nation, the problem of language acquires an important role – its dissemination, the creation of norms of the national literary language. Therefore, the study of culture should be combined with lingue-social problems.

Keywords: Homo academicus, Pierre Bourdieu, scientific organizations, cultural identity, nation, cultural heritage, Imperial Russian Academy of Sciences.

Галина Николаевна Лебедева, к. филос. н., доцент кафедры, кафедра философии, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID 0000-0002-6217-9929

HOMO ACADEMICUS

Часть I.

Научные и общественные организации Российской империи: между государственной обязанностью и частной инициативой

Аннотация: Homo academicus – так называлась книга Пьера Бурдьё, вышедшая в России в 2017 году. Исследование человека, его изменений в период становления научных организаций – тема исследования. Монография посвящена развитию научных организаций славянских народов. Рассмотрены философские и антропологические основания деятельности по сохранению культурного наследия и создания в Российской империи в XVIII – первой половине XIX века.

Автору удалось проследить, как научная и практическая деятельность российских государственных деятелей и учёных сформировали программы и учреждения по сохранению культурного наследия. Автор делает вывод, что процессы формирования нации тесным образом связаны с национальной культурой, складыванием культурных центров, распространения образования, печати и пр. В момент формирования нации важную роль приобретает проблема языка – его распространения, создания норм национального литературного языка. Поэтому исследование культуры следует совместить с лингвосоциальной проблематикой.

Ключевые слова: Homo academicus, Пьер Бурдьё, научные организации, культурная идентичность, нация, культурное наследие, Императорская Российская Академия наук.

Введение

Вопросы о происхождении и сущности нации, равно как и национального самосознания, культурной идентичности исторически совпали со становлением науки и появлением научных и культурных организаций у многих народов Европы. В результате активной деятельности интеллектуалов два века тому назад складывались литературные языки, в том числе и у славян, и их национальная и языковая идентичность.

Таким образом, можно констатировать, что «нация» в определённом смысле является конструктом, создаваемым властвующей элитой для мобилизации масс и достижения собственных интересов. Правда, соглашаясь с тем, что призыв к национальному единству со стороны властвующей элиты действительно является весьма эффективным, всё же обращается элита к уже существующему этносу. Но делает нацию из этнографического материала деятельность интеллектуалов. И зрелость нации выражается в наличии у неё своей академической науки со своими школами и разработанной терминологией. Полушутя-полусерьёзно историк А. Тойнби писал, что в мире могут быть подлинно независимыми лишь те народы, на языке которых может быть написан проект и детальная инструкция по эксплуатации ядерного реактора.

И по этой причине, говоря о развитии наций в прошлом и настоящем всегда надо отдавать должное работе ученых. Можно сказать, что Homo academicus (по словам Бурдьё) создают нацию не в меньшей, а может быть, и в большей степени, чем правители, полководцы и религиозные деятели.

Особенности становления наций совпали с романтизмом как художественно-эстетическим течением. Под влиянием сочинений Г. Гердера (1744–1803 гг.) о поэтической индивидуальности наций («дух народа») романтизм стал противопоставлять «себя просвещению и созданной наукой Нового времени механистической концепции мира». В первую очередь романтизм способствовал появлению новых, свободных форм в литературе и искусстве, отразивших ощущение открытости и бесконечности бытия (*Романтизм, 2015*). Гегель словом «романтическое» определил одну из трёх универсальных «художественных форм» (наряду с символической и классической), в которых дух, порывая с внешним, обращается к своему внутреннему бытию, чтобы там «насладиться своей бесконечностью и свободой». В целом в науке именно романтики сосредотачивали свой интерес к истории на памятниках литературной страны.

Проблемы нации и национализма как идеологии сначала связаны с национальной идентичностью, а затем с утверждением самодостаточности нации и её свободы. В Российской империи такие процессы начались с эпохи Петра I, и наиболее актуальными стали в деятельности государственной бюрократии вплоть до Октябрьской революции. Мы остановимся на периоде, когда государство было наиболее заинтересовано в создании научных организаций: этот период начинается с правления Петра I и до конца 1860-х годов, когда создавались образовательные учреждения и государство проводило по отношению к ним целенаправленную организационную и регулятивную политику.

Связь интеллектуальной культуры наций находится в единстве с процессами образования, научных обществ, их становления и институализации во всех проявлениях, вплоть до научных организаций, университетов, академий.

Существует определённый объём источников по истории научных организаций в России. Первым по времени, и что особенно важно, обстоятельным, в 10 томах, исследованием можно отметить «Материалы для истории императорской Академии наук» (*Сухамлинов, 1885-1900*). В Новейшей истории можно отметить такие исследования по истории науки и научных организаций:

- Соболева, Е.В. Организация науки в пореформенной России. — Л., 1983;
- Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. Сб. ст. / Отв. ред. И.А. Акчурин, В.И. Арпинов. — М.: ИФ РАН, 1994;
- Летопись Российской академии наук. Т. 1. 1724-1802 / Гл. ред. акад. Ю.С. Осипов. Отв. ред. д.филос.н. Н.И. Невская. — СПб.: Наука, 2000;
- Артемьева, Т.В., Микешин, М.И. Интеллектуальная культура эпохи Просвещения в России/ Учебное пособие. — СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей; Издательство «Политехника Сервис», 2020.

Во второй части будет рассмотрено, как происходило формирование научных обществ в славянских странах, основное современное исследование «Славянские матицы. XIX век» (*Исламов и др., 1996*).

Конечно же, учитывая широкую проблему исследования, более важным видится привлечение конкретных источников, которые мы будем использовать в данном исследовании.

Нация постоянно меняется, и каждой исторической эпохе соответствует свое представление о нации. В отличие от России, западные и южные славянские народы (кроме Черногории) к концу XVIII века уже несколько веков находились под чужеземным игом, их языки были сведены к простонародным. Они не имели своей государственности, а значит, и политической самостоятельности.

Нация — это самый последний по времени возникновения и самый сложный тип этноса. Нет до сих пор единого научного определения нации, а научная литература по теме нации очень разнородна и пристрастна. Кроме того, нация не является чем-то неизменным ни одно и то же время для современников, ни с изменением времени.

У каждой нации, например, различны особенности становления языка. Во-первых, в отличие от стран Западной Европы, где вплоть до XVII–XVIII века латынь была языком церкви и науки, а нередко и вообще единственным письменным языком, на Руси с

момента Крещения писали на понятном церковно-славянском языке, который к тому же был долгое время и разговорным. Таким образом, в странах Западной Европы образованные люди от Португалии до Норвегии могли переписываться и разговаривать при встрече на латыни, зато основная масса населения была безграмотна, поскольку для образования надо было сначала выучить мертвый латинский язык. В зрелое Средневековье, когда начали подниматься города, в которых возник крупный и влиятельный слой бюргеров, которым грамотность была необходима в хозяйственной деятельности, начала появляться литература на местных языках. Но на них писали «романы» (произведения на романских языках, а не латыни), а богословие, философия, право и медицина по-прежнему преподавались и писались по-латыни. Только в эпоху Реформации на местные национальные языки европейских народов начинают переводить научные труды, а потом и создавать оригинальные произведения. На Руси язык церкви, науки и канцелярии был свой – общепонятный церковно-славянский. Но зато Русь была отгорожена языковым занавесом от других стран христианской Европы.

Понятно, что в силу обстоятельств исторического развития в России наука и философия получили распространение не в университетах, а в местах императорских резиденций, рядом с которыми складывались литературные школы. Практически все русские литераторы находились на государственной службе — и сенатор Г.Р. Державин, и камер-юнкер А.С. Пушкин, и кавказский гусарский офицер М.Ю. Лермонтов. Только в середине XIX века стали появляться литераторы, жившие на свои гонорары. Но традиция службы на государство оставалась незыблемой. Для дворянина (а большинство литераторов были дворянами «по праву состояния») считалось необходимым отслужить хотя бы немного по военной или статской службе.

XVIII век и в России, и в Европе, это — век Просвещения. В чем же сущность философии Просвещения? Как легко заключить из названия, философы-просветители исходили из представления, что все бедствия, страдания и несчастья человечества обусловлены только и исключительно невежеством людей. Следовательно, необходимо просвещать народ. Некоторые просветители даже считали, что, как только количество грамотных в Европе превысит 51% населения, сразу исчезнут все пороки и преступления. При этом сами просветители считали народ сборищем неразумных людей, напоминающих по своему интеллекту детей. Понятно, что давать народу волю нельзя, как нельзя детям давать спички или оружие. Вся надежда на философа на троне, на просвещенный абсолютизм, который будет иметь достаточно власти, чтобы просветить народ и не допустить всякие потрясения, вызываемые темнотой и грубостью социальных низов.

У славянских народов городские верхи и аристократия были иноземными (кроме Польши), а славянское население составляло низшие слои (крестьянство и городские низы). Славяне были лишь крестьянскими обществами, расколотыми социально и религиозно. Ломая сословные перегородки, стала формироваться славянская национальная интеллигенция и наука. В развитии науки огромную роль всегда играли и играют научные организации. У народов, которые не имеют государственности, именно научные общества замещают собой академии наук и университеты. Славянское возрождение, разумеется, способствовало формированию и развитию научных

Можно выделить следующие *шаги в создании научных организаций в России и у славянских народов*.

В первой половине XIX века выявились сходные интересы как среди российских, так и среди славянских интеллектуалов к прошлому, собиранию и изучению древностей, историческому прошлому языка, и его фиксации и оформлению в виде словарей, энциклопедий. Язык воспринимался как коллективная память народа и воплощение «духа народа». Имена и биографии выдающихся ученых, внесших большой вклад в науку своей страны, их способности и кропотливый труд — это не только история и поиск новых знаний, но и научная информация, концепции.

Во-вторых, по мере того как информация начинает приводиться в систему, появляются научные организации и академии. Такая система очень хрупкая, для этого необходимы условия, благодаря которым возможно создание этих новых знаний.

Отметим *третий* фактор: для существования науки необходимы инициативные организаторы, которые самостоятельно, а также в долгой рутинной работе с чиновниками, властью и бюрократией смогли бы организовать науку и её учреждения. Наконец, по мере того как накоплен достаточный объём знаний, они становятся элементами школьного и университетского образования, а также превращаются в часть культуры общества.

В итоге, наука достигает такого уровня деятельности, что оформляется в самостоятельный общественный институт. Таков сложный путь получения и сохранения знания: от инициативных одиночек к построению системы.

Рассмотрим, как процесс организации науки прошел путь от общественных и частных увлечений к формированию специальных учреждений в России и у славянских народов. Важнейшим условием является язык науки, который показывает особый уровень развития не только культуры интеллектуалов, но и народа в целом. Язык науки стал предметом размышлений еще у греческих софистов, затем в эпоху средневековой схоластики. А в период XVIII–XIX веков именно с исследования и конструирования специального, научного языка, формировалась затем и вся остальная наука.

Таким образом, задачей исследования было проследить становление и факторы, способствующие сохранению или исчезновению национальных языков.

Результаты

Вопрос о происхождения нации и национализма

Вопрос о происхождения нации и национализма (как проявления идеи нации в политике), является одним из «вечных» вопросов философии. Вплоть до нашего времени нет удовлетворяющего определения нации. Литература, в том числе и философская, посвящённая возникновению нации и национальному самосознанию, настолько обширна и разнородна, что даже обозначить перечень источников практически невозможно.

В определённом смысле, единое научное определение нации, равно как национального самосознания и национализма, вряд ли когда-либо появится. Это объясняется историческими, географическими, конфессиональными, культурными, и многими другими обстоятельствами. Можно сказать, что нация не является чем-то

статичным и неизменным, а всегда меняется, и каждой исторической эпохе соответствует свое представление о нации.

Изначально возникновение наций связано с формированием группового самосознания, но в итоге — с центростремительными силами по объединению в единое государство, что является особым признаком западной европейской истории.

В русской мысли принята трактовка нации как этноса, в отличие от французской и англосаксонской, рассматривающей нацию как совокупность граждан страны.

В XIX веке понятие «нация», а также произведенные от него слова «национализм», «национальный вопрос», и пр., были ещё менее разработаны, и употреблялись нередко в ином значении, чем в наше время. Политический смысл средневековое понятие «нация» приобрело во Франции во время революции. Не случайно сам термин «национализм» появляется в 1812 году (*Кола, 2001*). Во Франции это слово обозначало создание единой нации полноправных граждан без сословных различий.

Вплоть до конца XIX века термин «национализм» еще не утвердился не только в научной, но и в популярной литературе. Ещё в 1874 году во Франции в энциклопедическом словаре «Ларусс» слово «национализм» определялось как неологизм. Исследователь французского национализма Р. Жирарде отмечал, что в XIX веке во Франции под национализмом понимались или напыщенная патриотическая риторика, или освободительная борьба народов старых империй. К последнему относились итальянское, польское или сербское движения (*Фёдорова, 1997*). Только в XX веке слово «национализм» стали употреблять очень широко, причем называя этим термином также и идейно-политические феномены прошлого. В частности, в России под национализмом подразумевалось движение малых народов против национального угнетения. Именно таково было понимание «национального вопроса» в марксистской философии. Зато в XX веке словом «национализм» начали чрезмерно злоупотреблять.

Слову «национализм», одному из наиболее употребительных и наименее ясных в политологии, особенно не повезло в научной литературе. Западный историк Д. Кларксон иронически сказал: «Национализм подобен греху — это явление настолько знакомое, что не поддаётся определению или даже точной характеристике» (*Clarkson, 1950*).

В отечественной литературе утвердилась негативная оценка национализма. Так, в Большой Советской Энциклопедии о национализме говорилось: «Национализм — буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика, а также психология в национальном вопросе. Национализм трактует нацию как высшую внеисторическую и надклассовую форму общественного единства, как гармонию, целое с тождественными основными интересами всех составляющих её социальных слоёв... для национализма характерны идеи национального превосходства и национальной исключительности, получающие большее или меньшее развитие в зависимости от обстановки, от взаимоотношений данной нации с другими». В изданном в 1983 году «Кратком политическом словаре» сказано: «Национализм — буржуазная идеология, политика и психология в национальном вопросе. Для национализма характерны идеи превосходства одного — «высших», якобы «избранных» самой природой наций над другими — «низшими», «неполноценными» (*Абафенков и др., 1983*).

Примерно так же трактует национализм, изданный десятилетие спустя, совсем в иную эпоху, энциклопедический словарь по политологии: «Национализм — это идеология, психология, социальная практика подчинения одних наций другим, проповедь национальной исключительности и превосходства, разжигания национальной вражды, недоверия и конфликтов» (*Аверьянов, 1993*).

Современный электронный словарь также объявляет, что «национализм — гипертрофированная форма национального сознания, провозглашающая идеи национальной исключительности, замкнутости, превосходства» (*Национализм, 2005*).

Однако, чем же национализм в такой трактовке отличается от шовинизма и расизма? Борьба угнетенных наций за своё освобождение ведь тоже называется национализмом и в этом деле национализм является делом вполне позитивным. В.И. Ленин, будучи убежденным интернационалистом, тем не менее писал, что национализм, который пробуждается у угнетенной нации, имеет «историческое оправдание» (*Ленин, 1958–1965*).

Оппонент Ленина почти по всем вопросам, философ Н.А. Бердяев, делил национализм на агрессивный, разрушительный, зоологический, и на национализм творческий, созидательный, способный вести нацию по пути общественного прогресса. Как видим, применительно к угнетенной нации национализм имеет вполне позитивный смысл. Современные русские правые особенно ценят виднейшего философа Русского Зарубежья И.А. Ильина и его трактовку национализма: «Национализм есть любовь к историческому облику своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание, Национализм есть воля к тому, чтоб мой народ творчески и свободно цвел в Божием саду. Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов, Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания» (*Ильин, 1992*). Красиво, но непонятно, если не считать абсолютно позитивного отношения к понятию «национализм».

На Западе понятие «национализм» не имеет никакого негативного оттенка. Так, американский словарь Вебстера под национализмом понимает: «1. Преданность своему народу. 2. Защита национального единства, или независимость». Британская Энциклопедия сообщает: «Национализм: верность и приверженность к нации, или стране, когда национальные интересы ставятся выше личных или групповых».

Современные западные учёные также согласны с позитивным отношением к национализму. Определения национализма у них принципиально не отличаются от тех, что были приведены выше. Весьма интересную трактовку национализма дал Э. Геллнер: «национализм обозначает принцип, требующий совпадения этнических и политических границ, а также чтобы управляемые и управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к одному этносу» (*Геллнер, 1991*). С этим можно согласиться, хотя национализм не исчерпывается только соединением нации в одном государстве или борьбой за этническую чистоту правящей верхушки.

Позитивное отношение к национализму высказывал великий гуманист М. Ганди: «Национализм в моем понимании означает, что моя страна должна обрести свободу, что,

если нужно, вся моя страна должна умереть, чтобы человечество должно жить...» (*Горев, 1984*).

Ещё одно определение национализма дал Гасан Гусейнов в советско-французском «Словаре нового мышления»: «Национализм — термин, означающий приоритет национальных (этнических) ценностей как перед личностными, так и перед иными социальными (групповыми, универсальными) ценностями и применимый для описания политической практики, идеологии и социально-психологической ориентации личности» (*Козлова, 1989*). С определением Гусейнова вполне можно согласиться.

Главная причина сложностей в определении национализма заключается именно в неразработанности самого понятия «нация». Ограничимся лишь напоминанием, что существует два определения нации — англо-французское и немецкое. Согласно первому, нация — совокупность граждан страны. В этом смысле получившие гражданство иммигранты сразу входят в американскую или французскую нацию. Понятно, что в США или Франции часто используется слово «национальный» (типа «национальные интересы») для обозначения общегосударственного. Немецкое понятие нации, («этнонационализм»), получившее распространение в России, понимает под нацией этнос, то есть кровнородственную межпоколенную общность. Этнос не обязательно может иметь свою государственность и даже определённую территорию, но обладает единством крови, языка и культуры.

Итак, в России понятие «нация» является синонимом слова «этнос» и национализм в отечественном понимании является этническим движением.

Что же такое «этнос»? Под этносом понимается исторически сложившаяся на определенной территории межпоколенная кровнородственная общность людей, обладающих общими стабильными особенностями языка, культуры, психики, самосознания и территории (*Леонтьев, 1998*), то есть пониманием своего отличия от других общностей и собственного единства.

По мысли известного российского советского учёного, академика Ю.В. Бромлей, этнос — специфическая социальная группа, базирующаяся на общности культуры и едином самосознании. Единство обеспечивается синхронными (в пространстве) и диахронными (во времени) информационными связями. Бромлей считал, что существуют два вида этноса — этникос (диахронные связи, то есть межпоколенная передача этнокультурной информации), и этносоциальные организации, или ЭСО (синхронные связи различного рода: политические, экономические, социальные, культурные).

Существуют и другие определения этноса, однако они принципиально не отличаются от приведенных выше.

Обычно выделяют три исторических типа этноса: племя - народность — нация.

Племена возникают на самой ранней стадии человеческой истории вместе с родовым строем. Племя имеет общее самосознание, имя, память о своих предках (как правило, мифологизированных), язык, культурно-бытовые особенности.

Народность появляется в более поздние времена, когда сливающиеся племена складываются в государство. Если племя объединяют, прежде всего, брачно-родственные связи, то народность — территориально-политические связи, складывающиеся в

пределах государства. Народность может ассимилировать многие другие народности, оказавшиеся связанными с нею, и сама может по историческим причинам смешаться и ассимилироваться. В результате изменения государственных границ, завоеваний, миграций, распространения новых религий, и прочих причин, народности могут исчезать, став этническим «материалом» для новых возникающих народностей. Так исчезли хетты, лидийцы, карфагеняне, вандалы, провансальцы, печенег и многие другие. Ни одна из этих народностей не была физически истреблена, они просто влились в новые народности.

Отчего же в мире возникают этносы? На это счёт существуют различные этнологические теории.

Согласно теории *примордиализма*, этносы существуют всегда и повсеместно, начиная с первобытного человеческого стада. У истоков этой теории стояли такие великие учёные, как философ И.Г. Гердер (1744–1803 гг.), считавший народ единством «крови» (происхождения) и «почвы» (страной проживания), социолог Ф. Теннис (1855–1936 гг.). «Классические» формы теории создали Эдвард Шиллз и Поль ван ден Берг.

Однако примордиализм не может объяснить «исчезновение» некоторых древних этносов, и создание новых. В частности, примордиалистская теория не объясняет рождение этносов с сильно выраженным чувством национальной гордости в западном полушарии или Австралии. На эти вопросы пытаются ответить *инструменталистские* теории. Приверженцы инструментализма в этнологии сосредотачивали своё внимание не на изучение объективной основы существования этноса, а лишь на роли последнего в культуре (*Садохин и Грушевицкая, 2001*).

Инструменталисты считают, что этничность лишь теория, которую создают элиты для мобилизации масс и достижения собственных интересов (*Данин, 2003*). Логика инструменталистов такова — раз этнические группы существуют, значит, это кому-то нужно. Правда, соглашаясь с тем, что призыв к национальному единству со стороны властвующей элиты действительно является весьма эффективным, все же обращается элита к уже существующему этносу.

Крайности инструментализма пытаются обойти *конструктивисты*, [Ф. Барт, М. Мид, Ф. Боас и др.] считающие, что этнос есть социальная организация, существующая за счёт воспроизводства межгрупповых границ. Конструктивисты большое внимание уделяют субъективной стороне: коллективному сознанию, мифологии, воображению. В самом деле, многие политические нации были созданы искусственным путем, не имея ни антропологического, ни языкового, ни религиозного, ни культурного единства. Классическим примером искусственного создания нации (и государства, созданного под эту нацию) являются украинцы или боснийцы.

Однако конструктивисты не могут игнорировать существование этносов, у которого существует самосознание при отсутствии властвующей элиты, заинтересованной в независимости.

Придется согласиться, что единой теории возникновения этноса не существует. В принципе, каждая из вышеперечисленных теорий права по-своему. В самом деле, многие этносы действительно представляют собой кровнородственную общность и возникли ещё в древности, например, русский этнос (точка зрения примордиалистов).

Действительно, во многих странах мира и в современной России элита заинтересована в мобилизации своих сторонников, при этом призыв к национальному сплочению оказывается весьма полезным и результативным, как, например, единство россиян, то есть всех граждан РФ (в этом правы инструменталисты). Наконец, очень многие этносы создавались искусственно по политическим соображениям, как, например, украинцы, и в этом сила доводов конструкторов.

Истина, как всегда, посередине. Видимо, единой теории этноса нет и не будет, потому что каждый этнос своим происхождением, своими особенностями, уникален по своему. В этом смысле, сколько существует этносов, столько должно существовать теорий этноса.

Можно вспомнить рождение такого этноса с сильно выраженным самосознанием, как баски. С одной стороны, баски относятся к числу древнейших этносов Европы, которые сумели сохранить свой язык, физический облик и традиционную культуру, несмотря на все исторические потрясения Пиренейского полуострова. Но, с другой стороны, сами баски очень долго не имели этнического самосознания, идентифицируя себя с подданством испанской короне, и (одновременно с этим), с принадлежностью к конкретной исторической провинции Испании. Только в самом конце XIX века появилось политическое движение, ставящее своей целью развитие культуры басков и создание их независимого государства. Деятели баскского движения были созданы сами термины «страна басков» (Эускади), поскольку ранее у басков не было общего самоназвания, были придуманы баскские праздники, национальный костюм (ранее не отличавшийся от местного испанского). Наконец, был придуман флаг Баскской национальной партии, который может стать флагом баскского государства. Как видим, баскское движение не вписывается в рамки одной теории.

В России понятие «нации» известно со времен Петра Великого. Правда, в основном, в XVIII–XIX веках это понятие использовали дипломаты. П. Пестель в проекте «Русской Правды» говорил лишь об «иностранцах, к другим нациям относящихся». Примерно в это время появляется термин «национальность», обозначающий принадлежность к конкретной нации (понимаемой, как этнос).

Примерно в 1819 году П.А. Вяземский создал термин «народность», вскоре усвоенный консерваторами (гр. С.С. Уваровым, и др.). Существовал также широко употребляемый, но при этом довольно неопределенный термин «народность», обозначающий как самостоятельный этнос, так и его часть, отличающуюся от основной массы народа некоторыми чертами (в современной этнологии это называется субэтносом). Именно в этом смысле Н.И. Костомаров, А.П. Щапов, и ряд других историков и этнографов говорили о существовании нескольких русских народностей, признавая при этом этнографическое единство русского народа. В целом, однако, различий между понятиями «народность», «народ», «нация», в русской научной литературе вплоть до 1917 года не было.

Для русской философской мысли XIX века не существовало различия между понятиями «народность» и национальность. Под «народом» при этом часто понималось все население страны без этнических различий. Так, К.П. Победоносцев, разбирая проект манифеста о коронации Александра III, писал императору: «В конце у меня поставлено: попечение о благе народа, а не народов, как это было сказано в прежней редакции... И в

1855 году это слово: народов — казалось странным. Замечали, что австрийский император может говорить о своих народах, а у нас народ один и власть единая» (*Победоносцев, 2004*). Такой имперский подход, намеренно смешивающий народ с общим количеством подданных российского монарха, часто приводил власть к конфликту со сторонниками русского этнического национализма.

В основном в консервативной литературе чаще употребляли слово «народ» в значении «нация». Под русским народом понимался триединый народ в составе велико-, бело-, и малороссов. Именно так считала и этнография того времени, выделявшая украинцев и белорусов в качестве территориальных частей («ветвей») русского народа. В России очень часто не только в обыденной речи, но и в научной литературе смешивают понятия нации с такими словами, как «народ». Однако в русском языке это слово имеет слишком много значений. Народом может считаться всё население страны (так, конституция РФ открывается словами: «мы, многонациональный народ...»). Народом называется конкретный этнос (русский народ). Часто народом называют социальные низы (так, в дореволюционной России народом считались все представители непривилегированных сословий, зато дворяне, например, к народу не относились, отсюда и выражение «простой народ» и стремление интеллигенции «пойти в народ»). И, наконец, народом можно назвать просто собрание людей (народ на площади).

Впервые проблемой нации в России стали заниматься государственные деятели, а не философы или поэты как в Германии эпохи романтизма. Для философии Просвещения было характерно обращение к «естественному» человеку, независимому индивиду, свободного от государства, этноса и церкви. Космополитический характер философии Просвещения приводил к тому, что для либеральной мысли с её упором на негативную свободу («Свободу от...») национальные проблемы существовали только в виде преследований государством индивидов по национальному признаку. (Это было в основном присуще русскому либерализму, в то время как для западных либералов колониальные захваты, «опиумные войны», были чем — то само собой разумеющимся для «цивилизованных» стран). Во всём остальном либерализм и в философии, и в политике, был «выше» национального.

Социалистическая мысль XIX века всех направлений, была интернационалистской. Для социалистов и коммунистов классовая принадлежность была несравненно более значимой, чем национальная. Разумеется, К. Маркс и другие социалисты не игнорировали национальные проблемы и противоречия, но считали их подчиненными по сравнению с борьбой рабочего класса. Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс, поддерживали национально — освободительные движения ирландцев, поляков, итальянцев, венгров, и других народов, считая, что их национальная революция будет способствовать классовой революции пролетариата. Практически так же считали их оппоненты, русские революционеры, М.А. Бакунин, А.И. Герцен, защищая требования поляков, а также и некоторых других народов Российской Империи, на отделение, поскольку это будет способствовать крушению царизма. Другие влиятельные в XIX веке социалистические доктрины, такие, как прудонизм, лассальянство, анархизм, и ряд других, вообще были склонны игнорировать национальные проблемы. При этом для всех социалистов и коммунистов того времени было характерным отношение к существованию различных

наций как к временному явлению, поскольку в будущем человечество будет единым обществом, в котором исчезнут национальные различия.

Для консерватизма, ключевой принцип которого — конкретность против универсализма, нация есть такая же общность, как государство, церковь, правящая элита. Именно поэтому, повторим, национальными проблемами впервые стали заниматься консервативные мыслители.

Во время Великой Французской революции и наполеоновских войн в противовес универсалистским лозунгам абстрактных прав человека и гражданина, консерваторы противопоставили идею национального единства, народного духа и миссии своей страны. Это особенно заметно у И.Г. Фихте в «Речах к немецкой нации». Ещё в конце XVIII века И.Г. Гердер говорил, что культура должна быть основана на национальности и что истинный носитель национального характера — простой народ. Для его познания необходимо изучать фольклор, язык, предания, обычаи и нравы.

Немецкие романтики считали нацию живым организмом, наделённым душой. Но в политически и конфессионально разделённой Германии национализм стал идеологией объединения страны, в которой верность нации стала выше верности своим монархам и конфессии.

В истории Германии зачатки этого явления связаны с родовыми группами высшей знати, управляющими народами, что вместе образовывало солидарное общество для защиты собственных политических интересов. Они отделились от империи Каролингов, но не воспринимали себя ещё нациями. Групповое сознание проявлялось в выборах короля, совместных войнах, что заложило основы представлений о политической власти. Только с образованием государства в средневековой Европе появляется понятие нации. Господствующие слои стали идентифицировать себя с землёй и нацией, на которой возникает национальное самосознание. Наряду со знатью духовенство также стремилось консолидировать национальное самосознание: через литературные тексты и создание национального литературного языка, когда Мартин Лютер перевёл Библию с латинского на простонародный язык, и мейсенский диалект стал общегерманским литературным языком. Появление вслед за общеразговорным языком общелитературного языка и письменной культуры, её распространение не только среди низшей знати, но и простого народа способствовало консолидации и распространению земельного и национального самосознания. Под национальным самосознанием можно понимать «процесс становления политического самосознания, в ходе которого люди, составляющие народ (этнос) или население определённой территории, обнаруживают общность своих традиций и интересов» (*Данин, 2003*). Немецкие теории нации оказали огромное влияние на русскую научную мысль в силу многих исторических обстоятельств: в первую очередь благодаря тому обстоятельству, что были первыми учеными-этнологами в России. Исследователи русской мысли почему-то мало обращали внимание на развитие русской нации, делая упор на развитие российского государства. Этим грешат не только отечественные, но и западные ученые, которые часто упрекают многих русских деятелей политики и культуры в шовинизме. Впрочем, возможно, это объясняется тем, что история русской нации и российского государства настолько тесно связаны, что их почти невозможно отделить друг от друга. Поэтому народники и либералы в России уделяли самое пристальное внимание

социальным проблемам страны, но игнорировали этнический аспект жизни государствообразующей нации.

Таким образом, традиции общей государственности и по сей день не утратили силы и оказывают серьёзное влияние на политическую культуру жителей всех постсоветских государственных образований. Сегодня в России, несмотря на все экономические и политические трудности, (а может быть, и благодаря им), проблема нации, ее сохранения и развития, стали из предмета научных изысков массовым чувством, пусть даже и не сведенному к конкретным доктринам. История нации и национализма будет продолжаться, пока жива нация.

Влияние процессов глобализации на национальное «культурное наследие»

Процессы глобализации влияют не только на жизнь отдельного человека, группы или профессиональных корпораций, но и сказываются на внутренней социальной, экономической сфере любой нации, цивилизации или сообщества, изменяя самые сложные и устоявшиеся социальные институты. Этот процесс охватывает также и процессы национального самосознания и культуры. Прежде всего, это проявляется в требованиях общего языка. Например, все признают необходимость того, чтобы английский использовался в авиации (у пилотов и диспетчеров воздушных линий), затем в сфере туризма, и наконец, и в области науки, техники, компьютерного программирования, бизнеса. А сегодня некоторые страны (Голландия, Скандинавские страны) становятся двуязычными. В магазинах можно купить одни и те же продукты, дизайнеры проектируют одинаковые автомобили, люди читают одни и те же книги, смотрят одни и те же футбольные матчи, слушают одну и ту же музыку.

Ещё философы XVIII века заметили как позитивные, так и негативные уроки последствий взаимодействия «культур» и «цивилизаций». Тем не менее, множество толкований этих терминов связано не только с разнообразием философских школ, но и столкновением цивилизаций в истории. Ещё Н.Я. Данилевский, а затем О. Шпенглер описали жизненные циклы цивилизаций. О локальных цивилизациях, их ценности и традициях пишут в своих работах С. Хантингтон, Г. Хофстеде, Й. Тёрнборн.

Идея универсальной общечеловеческой цивилизации, с одной стороны, определила смыслы прогресса, единообразного и унифицированного. Просветители стали первыми использовать понятие «прогресс», считая, что человечество идет вперёд к светлому будущему, преодолевая инерцию религиозности, старых предрассудков и традиций. Прогресс, по мнению просветителей, идёт линейно, т.е. непрерывной линией вверх. Уже с середины XX века такие организации, как Римский клуб и прочие, находят особые и прагматичные средства измерения прогресса: научно-технические достижения, благополучие, валовой внутренний продукт, которые часто понимаются односторонне. Это не мешает считать, что важны новые ценности: успех и пример эффективного управления являются эталонным образцом. Ради этого можно отказаться не только от традиций и национального своеобразия, но вслед за этим и права народов на самоопределение. Как итог, это приводит к тому, что своеобразие культур либо отрицается под предлогом процессов внутренней и международной политики, экономики и социальной сферы всех обществ без исключения, либо объявляется об

универсальных общечеловеческих ценностях и необходимости формирования схожих институтов, например, такие как демократия и рынок. Нежелание учитывать местные традиции, обычаи как не слишком соответствующие духу времени, часто приводит к конфликтам. Не каждая культура и цивилизация понимает что имеет свое наследие, прошлое, а тем более, стремится это сберечь. Некоторые цивилизации исчезли сами по себе, или претерпевают изменения под воздействием глобализации.

Вот почему важно сохранение исчезающих памятников истории. Понятие «культурное наследие» стало широко употребляться с 1980-х гг., подчеркивая связь во времени. Как пишут современные исследователи И.И. Горлова, А.А. Зорин, понятие «культурное наследие» служит для выражения преемственности, «подразумевая, прежде всего, акт приёма-передачи чего-то от одного поколения к другому, т.е. обозначает преемственность поколений в историческом процессе» (Горлова и др., 2018).

Существуют специальные учреждения, где ведётся серьёзная работа, определяется и принята классификация проблем и направлений, связанных с их изучением, выделяются как теоретические, так и прикладные вопросы. На международном уровне организация ЮНЕСКО в 1989 году приняла Резолюцию. «Рекомендация о сохранении традиционной культуры и фольклора», согласно которой государствам рекомендовано принимать меры для сохранения, распространения и защиты наследия (Малчанов, 2003). Необходимость направленной и объединенной работы осуществляется и в России. Как пишет В.Н. Расторгуев: «Исследования по изучению наследия требуют не только фиксации и сбережения, но и мер по организации, систематизации и институционализации, не говоря уже о ресурсной и правовой поддержке» (Расторгуев, 2018).

Особенного внимания требует работа по сохранению содержания языка и культуры. Ошибочно отождествлять наследие только с памятниками материальной культуры и с положительными ценностями из прошлого. В самом деле, необходимо помнить и достижения устного слова. Язык, ценности, традиции, обычаи, также как и живопись, являются культурным наследием. Как пишет А.Г. Буйчик, «Культурный облик общества не может быть сформирован из ниоткуда, с чистого листа. Это – результат многовековых трансформаций, диффузий и взаимопроникновений семиотических рядов, традиций, фольклора, по своей сущности формирование нематериального культурного наследия и его переноса в материальную оболочку, что начинает формировать понятие ценности наследия, сначала в экономическом восприятии (эквиваленте), а затем и духовном — ценности прошлого для общества в будущем» (Буйчик, 2019).

Такой подход переживает новую модификацию, и как пишет Д. Муньери, «Культурное наследие обращается к нам через ценности, которые ему присваивают люди, поэтому нет иного способа, как понять и интерпретировать материальное только через нематериальное» (Munjeri, 2007).

Утверждение языка в науке как условие существования национальных Академических учреждений

В России осмысление и сохранения прошлого обозначилось как ведущая черта историософии, это помогало осознать по-новому будущее. Т.В. Артемьева и М.И. Микешин, рассматривая вхождение России в интеллектуальное пространства Европы (от

Петра I до Екатерины II), пишут, что в России эпоха Просвещения связана «не менее чем с тремя интеллектуальными сообществами» — преподаватели церковных школ, прежде всего духовных академий в Киеве и Москве, образованное духовенство, «учёное монашество». Выделяя три таких социальных страты, причастных к образованию науки, авторы показывают важность сравнения этих страт и их вклад в развитие науки. «В петровскую эпоху структура интеллектуальной элиты изменилась. Она, в значительной степени, была создана искусственно, практически без учёта уже существовавшей системы интеллектуальных ценностей и полностью подчинена потребностям государства. Именно поэтому создание системы академических институтов если не с подконтрольной, то, по крайней мере, предсказуемой элитой было делом государственным» ([Артемяева, 2009](#)). Образование и наука были естественным и работающим социальным лифтом, поэтому через появление системы академических институтов составилось новое сообщество ([Артемяева, 2009](#)).

Историография изучения вопроса о создании Академии наук такова, что есть старые серьёзные многотомные исследования, например, «Материалы для истории императорской Академии наук» ([Сухамлинов, 1885–1900](#)). В 2000 году в издательстве «Наука» (Санкт-Петербург) вышел первый том – Летопись Российской академии наук ([Осинов, 2000](#)). Особенно можно отметить, что материал этой книги, в связи юбилеем Российской академии наук (275-лет), отмечен не только изданием, но и появилась электронная версия. На нём размещена деятельность Академии наук с 1724 по 1826 годы. Работа проведена Сектором истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН

Российское собрание, учрежденное в 1735 году, считается Предшественником Российской Академии, вошло в систему органов Петербургской Академии наук. Это учреждение ориентировалось на переводы. Правительство заботилось о подготовке опытных переводчиков, особенно в отраслях техники. Известно, что ранее наиболее употребляемый учебник — грамматика Смотрицкого 1648 года, которая была исправлена и переиздана Ф. Поликарповым в 1721 году. Потребовался долгий период и усилия по введению русского языка в науку.

Одним из поворотных этапов стали работы М.В. Ломоносова: «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», 1758 года, основная идея в работе о том, что звук — это нераздельная часть человеческого слова. Другая работа, «Письмо о правилах российского стихотворства», была написана в 1739 году, а увидела свет в 1778 году. И наконец, «Российская грамматика» (1757 г.), в которой был продемонстрирован высокий уровень мыслительной зрелости русского народа. Свод правил русского языка был необходим в связи с ростом государственных, хозяйственных, военных, литературных потребностей страны. Требовалась мобилизация всех накопленных народом словарных богатств. После смерти Ломоносова Академия наук почти полностью перестала заниматься вопросами языкознания. Борьбу за чистоту и самобытность русского языка продолжила периодическая печать.

Ранее, в 1759 году, в журнале «Трудолюбивая пчела», были опубликованы статьи А.П. Сумарокова «Об истреблении чужих слов из русского языка», «О коренных словах

русского языка». Философские основания языка были заложены Ломоносовым, это рукопись грамматики, завершённая в 1755 году.

Административные начинания в отношении русского языка зафиксированы в 1771 году, с образованием Вольного Российского собрания при Московском университете, когда была сделана попытка изучения русского языка на научной основе. Председателем этого общества стал куратор Московского университета И.И. Мелиссино, секретарём — профессор красноречия Московского университета А.А. Барсов. Членами этого собрания были А.А. Нартов, Е.Р. Дашкова, математик и философ М.И. Аничков, юрист С.Е. Десницкий. Составить словарь русского языка им не удалось. В целом, практика таких свободных и добровольных обществ была малоэффективной, о чём писала Дашкова: «...учреждение таковых добровольных обществ... по недостатку средств или по несогласию членов, никогда существовать не могли». Основанная в 1783 году Российская Академия стала преемницей как Российского собрания, так и Вольного и продолжила работы в языкознании (*Коломинов и Файнштейн, 1986*), о чём пойдёт речь далее.

Подтверждением и доказательством оформления и анализа языка является еще один вид и результат творческой научной деятельности — словари. Словарь можно определить как сумму систематизированных данных, оформленных в виде ключевых, значимых слов, понятий, соотнесенных между собой в определённой последовательности. Сначала словари формировались не в алфавитном, а в формальном порядке, с точки зрения связи терминов, смысловой близости. В то же время, словарь — это вид исследовательской деятельности, где происходит оформление поисковых процессов, постановка сущности и особенности научных теоретических текстов. Уже постановкой проблем, вычленением терминов и явлений они заложили особенности размышлений автора о существующих терминах того времени, направлений в науке, отношение к авторитетам, что соответствует современному понятию и отрасли науки, как историография. Авторы сравнивали приемы и технику анализа источников. В описываемый период был издан «Словарь Академии Российской 1789-1794» (*Словарь Академии..., 1806–1822*). Существовали и более ранние словари, которые требуют текстологического изучения:

- Словарь Ф. Поликарпова (1704 г.);
- Словарь Э. Вейсмана (1731 г.);
- Словарь А. Геснера (1762 г.);
- Словарь М.Ф. Гелтергофа (1771 г.);
- Четырёхязычный «Новый лексикон» (1755 г.);
- «Словарь древнерусского языка» И. Срезневского, репринт 1989 года.

Значимость разума и науки, под влиянием философии Просвещения приобрели еще больший авторитет не только среди интеллектуальных кругов, но и со стороны государства: «просветительская программа Екатерины II рассматривала упорядочение системы образования, развитие издательского и библиотечного дела, научной мысли и художественного творчества» (*Каган, 1996*). В целом, конец XVIII века показывает небывалый подъем русской национальной культуры, возрастает значение литературы, появляются имена новых писателей. В «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова (1772 г.) приведены сведения о 250 литераторах. Выходило

много периодических изданий на русском и иностранных языках — с 1762 по 1800 годы выходило 78 наименований.

В это время развивается музыкальная и театральная культура, при поддержке правительства происходят большие работы в градостроительстве, расширяется Академия художеств, организуется первый в России государственный музей изобразительных искусств — Эрмитаж, учреждаются новые учёные общества. Например, Вольное экономическое общество (1765 г.). Возникает множество организаций, многие из которых работали достаточно долго, занимаясь научной или исследовательской деятельностью. Например, Московское общество сельского хозяйства, основанное в 1820 году. Все они популяризировали знания в сфере экономики и хозяйства, в чем было заинтересовано и правительство. Такое коллективное творчество стимулировало развитие как отдельного человека, так и группы, что способствовало мобильности членов этих групп и организаций как на уровне сообщества, так и за их пределами, на уровне представительства в обществе в целом. Другие формы общения, — неформальные связи, и каналы общения, часто повторялись. Но до сих пор мало изучены. Таким образом происходила своеобразная мобилизация частных ресурсов, без чего индивидуальная деятельность была бы распылена.

Таким образом, сам факт существования таких научных академических организаций в России, издаваемых трудов, — способствовали более четкому оформлению научных институтов.

Открытие Императорской Российской Академии наук в 1783 году

Академия наук занималась активной издательской деятельностью, а ученые имели возможность публикации своих работ в академических изданиях. Причем работы публиковались как на русском, на немецком и латинском языках. Сформировался своеобразный институт почетных членов Академии наук: титул почетного члена Академии наук присваивался коронованным особам и важным персонам. Так, Екатерина II была членом Берлинской академии наук, прусский король Фридрих II и шведский король Густав III были членами Петербургской академии наук. Екатерина Дашкова — членом Американского философского общества (*Артемьева, 2009*).

В 1782 году были чётко оформлены правила, которые регламентировали деятельность добровольных обществ (Устав благочиния), определялась граница между тайными и легальными обществами. Далее этот документ получил название: Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Вслед за этим смогло появиться множество обществ — литературно-патриотических, философских, научных, благотворительных, которые подчёркивали свою службу государству. С одной стороны, деятельность независимых и свободных обществ была под контролем правительства. Монархи любой страны были заинтересованы развитие промышленности и торговли внутри государства, и поощряли частных лиц, давая им привилегии для такой деятельности. С другой стороны, наличие устава придавало таким обществам легальный статус. Как пишет исследователь начала прошлого века: «этот документ содержал правила и процедуры, на основе которых обеспечивалось самоуправление данной организации. Уставы писались и выдавались частным лицам верховной властью или должностными лицами от имени

государя. Однако на самом деле основатели обществ составляли основополагающий документ самостоятельно. В каждом отдельном случае устав одобрялся властями, а часто даже лично царём. В начале своего царствования Александр I передал эти полномочия комитету министров. Устав был основополагающим документом, в соответствии с которым происходило управление всеми аспектами жизни общества. В отличие от ассоциаций для коммерческой и финансовой деятельности, которые регулировались гражданским или коммерческим правом, ассоциации частных лиц регулировались административным или (полицейским) правом» (*Ануфриев, 1916*).

Таким образом, в конце XVIII — первой половине XIX века государство было более заинтересовано в контроле за уже имеющимися организациями, чем за установлением процедур и правил для возникающих (*Ануфриев, 1916*). полицейском и административной праве.

В России во второй половины XVIII века огромную роль в развитии научных обществ брали на себя женщины. Так, Екатерина Романовна Дашкова (1743–1810 гг.), была не только подругой Екатерины Великой, но и имеет самое непосредственное отношение к становлению общественных ассоциаций, науки, филологии и философии в России.

Одна из образованнейших женщин второй половины XVIII века Екатерина Романовна Дашкова, была не только подругой Екатерины Великой, но и имеет самое непосредственное отношение к становлению общественных ассоциаций, науки, филологии и философии в России. Трудно найти в истории равную ей женщину: в 18 лет (дворцовый переворот 28 июня 1762 г.) она участвовала в антиправительственном заговоре, а в 38 лет возглавляла два научных учреждения России – Петербургскую Академию наук и Российскую Академию. Е.Р. Дашкова (урожденная Воронцова), воспитывалась в семье дяди, канцлера В.И. Воронцова, получила для своего времени хорошее образование.

В её собственной библиотеке насчитывалось около 900 томов книг. Будучи сторонницей «просвещенного абсолютизма», она изучала труды французских просветителей. В своих «Записках» она писала, что «любимыми моими авторами были Бейль, Монтескье, Вольтер и Буало». Ещё в 1763 году был опубликован сделанный ею перевод с французского «Об эпическом стихотворстве, из сочинений г. Вольтера». Свои оригинальные и переводные произведения Дашкова публиковала в таких журналах, как «Опыт трудов вольного российского собрания», «Новые ежемесячные сочинения», «Друг просвещения» и «Русский вестник», чаще подписывалась псевдонимом «Россиянка». В комедии «Токсиоков, или человек бесхарактерный», поставленной в 1786 году в Эрмитажном театре, она высмеивала такие черты дворян, как беспринципность, алчность, галломания и потеря национального достоинства. Эти качества сыграли большую роль и в дальнейшей её деятельности.

Проведя восемь лет (с 1769 по 1771 и с 1776 по 1782 гг.) в путешествиях по Европе, она была знакома с королями, учеными и художниками: от просветителей (Дидро, Вольтер) и учёных (экономист А. Смит, историков (У. Робертсон и А. Фергюсон), до банкиров и папы римского, с которым обсуждала создаваемый Ватиканский музей. В 1779

году, на обратном пути в Россию, в Париже она была на приёме у французской королевы. Она посещала научные собрания, участвовала в диспутах, даже писала музыку.

С Екатериной Великой сотрудничество Е.Р. Дашковой возобновилось в 1782 году, а 24 января 1783 года был издан указ о назначении Е.Р. Дашковой директором Санкт-Петербургской императорской академии наук, а с октября она руководила созданной Российской Академией. Императрица стремилась осуществить политические цели: национальный язык, приведенный к определенным нормам, тогда был атрибутом государства, а существование Словаря национального языка было свидетельством высокой культуры общества. Итальянская Академия делла Круска во Флоренции, Испанская королевская Академия и, в особенности, Французская Академия, известные своими словарями и грамматиками, служили притягательным примером (*Копелевич и Ожигова, 1989*). Например, во Франции указом Ришелье в 1635 году была учреждена французская Академия, «чтобы сделать французский язык не только элегантным, но и способным трактовать все науки и искусства». Учитывая, какой наступил после этого успех в распространении французского языка в Америке, Африке, Франции, в Англии также приняло похожее решение. В 1662 году Королевской хартией было утверждено создание Лондонского королевского общества (аналог Академии наук) с целью такой же экспансии английского языка на завоеванных территориях в США, Канаде, Австралии, Африке и России. Расширение возможностей языка, особенное стремление направить язык науки на академический лад, рассматривались как основа национальной безопасности для каждой страны. «Созданием такой Академии демонстрировалась важность языковой культуры. Речь шла о предпосылках подготовки культурной элиты империи» (*Файнштейн, 2002*). Учреждение Академии способствовало в дальнейшем лучшему проведению реформы народного образования.

«Созданием такой Академии демонстрировалась важность языковой культуры. Речь шла о предпосылках подготовки культурной элиты империи» (Файнштейн, 2002). Учреждение Академии способствовало в дальнейшем лучшему проведению реформы народного образования. параллельно с Академией русскую словесность изучали любительские кружки ревнителей. Но это был всего лишь частный вклад. Некоторые кружки были откровенного антиправительственного характера. Таким было «Дружеское ученое общество», которое в 1782 году создал профессор Московского университета И.Г. Шварц, сподвижник Н.И. Новикова. В университетской типографии они издавали книги и журналы. В дальнейшем эту обществу приписывали пропаганду масонских идей, и оно было закрыто. В Петербурге — литературно-филологическое «Общество друзей словесных наук» и «Общество, старающееся о переводах».

Уже в 1783 году Дашкова чтит память М.В. Ломоносова. Уже в 1783 году подготовила к изданию первое академическое собрание сочинений М. В. Ломоносова: «Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде ещё не напечатанных творений», вышедшее в 6-ти частях в Петербурге в 1784–1787 годы.

А.А. Нартов, развивал переводческую деятельность. Итогом этого периода — ко времени 1810-х годов стало то, что образованная Россия пользовалась нормами русского языка, определёнными «Словарем Академии Российской». После отставки Дашковой

сменилось несколько президентов, когда в 1813 году президентом стал А.С. Шишков. Тот вспоминал об обстоятельствах: «Я сказал государю императору, не угодно ли будет ему поручить Академии мне, примолвя к тому, что я не для каких-либо выгод своих прошу о сем, но единственно по усердию и любви к русскому языку и словесности» (*Шишков, 1870*).

В своей долгой деятельности А.С. Шишков считал, что Российская Академия была создана для укрепления и защиты славянорусского языка и от проникновения в него французского и английского языков и вероисповеданий. С его именем связаны последние 28 лет работы Академии, вплоть до присоединения Российской Академии к Академии наук в качестве II Отделения (Отделение русского языка и словесности (ОРЯС).

Александр Семенович Шишков (1754–1841 гг.), писатель, литературовед, филолог, адмирал, активный участник событий своего времени, в дальнейшем Государственный секретарь, министр народного просвещения. Президент литературной академии Российской. Он родился в бедной семье мелкопоместного, как он сам писал, «достаточного» дворянства. В 10 лет был отдан в морской кадетский корпус в Петербурге, который окончил в 1772 году в звании мичмана. Совершил трёхлетнее путешествие. Побывал в Италии, Греции и Турции. Литературную известность ему принесла пьеса «Невольничество» (1780 г.), в основе которой описание реального случая: судьба русского матроса, попавшего в рабство к алжирским пиратам. На постановке пьесы побывали императрица с наследником Павлом Петровичем, пожертвовавшие для выкупа попавшего в беду значительные суммы. После успеха пьесы Шишков стал вхож в литературные салоны (Файнштейн, 2002). Литературные занятия Шихкова перемежались участием в военных кампаниях. Спустя некоторое время, в 1793 году сделал перевод с французского «Морской тактики». В его собрании переводов можно найти «Бдения» и «Освобожденный Иерусалим» Тассо, сонеты Петрарки. В это же время Александр Семенович переводит с немецкого языка «Детскую библиотеку» И.-Г. Кампе. Этот перевод сделал надолго Шихкова любимым детским писателем в России, вплоть до середины XIX века. По распоряжению директора Петербургской Академии наук Е.Р. Дашковой, эта книга была напечатана в академической типографии (*Кампе, 1783–1785*).

В 1796 году Шишков избирается членом, а с 1813 года — Президентом Российской Академии, которую возглавлял до последних дней своей жизни. Министр народного просвещения и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий (с 1824 по 1828 гг.).

С этого времени он всецело погружается в изучение русского языка и истории. Российская Академия с 1805 года по инициативе Шихкова издаёт «Сочинения и переводы», в которых он помещает свои оригинальные и переводные статьи, перевод «Слова о полку Игореве» и обширные примечания, которые поясняли значение неясных и старинных слов. В 1803 году вышла работа А.С. Шихкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. Выход сочинения современники обозначили как начало борьбы двух литературных направлений в развитии литературного языка, сторонников которых называли «карамзинисты» и «шихковисты».

21 октября 1783 года состоялось открытие Императорской Российской Академии наук. Пути развития российской науки были обозначены в речи Дашковой: «Многоразличные древности, рассыпанные в пространствах отечества нашего, обильные

летописи, дражайшие памятники деяний праотцов наших... представляют упражнениям нашим обширное поле... сие равномерно, как и сочинение грамматики и словаря да будет первым нашим упражнением...». Говорилось о важности развития русского языка в гуманитарных науках: «Всем известны обширность и богатство языка нашего. На нём сильное красноречие Цицероново, убедительная сладость Димосфенова (так в тексте — авт.), великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство и гремящая Пиндара лира, не теряют своего достоинства; тончайшие философские воображения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи: однако при всех сих преимуществах недоставало языку нашему предписанных правил, постоянного определения речением и неперменного словам знаменования» (*Дашкова, 1783*).

Екатерина Романовна привела в порядок академическое хозяйство, был расширен состав Академии, увеличилось число учащихся академической гимназии, по ее настоянию архитектор Дж. Кваренги построил в 1784–1789 годы главное здание Академии наук на Васильевском острове.

Под руководством Дашковой началась работа над «Словарем Академии Российской» (1789–1794 гг.) — одно из самых ярких явлений русской культуры XVIII века. Это первый толковый словарь русского языка, заключавший более 40000 слов, размещенных в словопроизводном, этимологическом порядке. Екатерина Романовна была одновременно инициатором его издания, руководителем и участником авторского коллектива. Из 60 членов Российской Академии непосредственно над словарем трудились 47 человек. Среди его авторов — учёные, писатели, религиозные деятели: Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин, М.М. Херасков, С.Я. Румовский, И.И. Лепёхин, митрополит Гавриил и многие другие. «Словарь Академии Российской», в который вошло 43257 слов, был создан в короткие сроки: он был подготовлен и издан за 11 лет, увидев свет в шести томах, выходивших с 1789-го по 1794 г. Для сравнения: словарь Флорентийской Академии создавался 39 лет, а Французской — 59 лет (*Тычинина, 2010*). «Словарь Академии Российской» сыграл громадную роль в становлении норм русского литературного языка. А ведь только после этого возможно становление национальной философии.

Е.Р. Дашкова требовала от деятелей науки не публиковать за границей результатов своих открытий, «чтока Академия не извлекла из них славу для себя путём печати и пока государство не воспользовалось ими».

Лицей для «образования юношества, особенно предназначенного к важным частям службы Государственной»

В полном соответствии с философией Просвещения, в которой огромное место уделялось формированию человека, полностью свободного от влияния консервативной среды. Вера в возможность социальных преобразований законодательным путём привела к потребности создания специальных учебных заведений. Таким стал проект Лицея. Идея создания Лицея принадлежала М.М. Сперанскому. Прообразом стал греческий Ликей, некогда созданный Аристотелем в Афинах в роще близ храма Аполлона Ликейского.

Но сама по себе философия просвещения стала вызывать к себе совсем иное отношение после 1789 года. Данте писал, что благими намерениями вымощена дорога в

ад. Получалось, если буквально исходить из философии просветителей, то носителей «неправильных», с их точки зрения, знаний, надлежало во имя светлого будущего просто уничтожить. Вот так и были обоснованы идеи физической ликвидации «неправильно мыслящих» людей, вставших на дороге прогресса. Показателем этого стала Великая Французская революция 1789 года. Эта революция стала первым примером попытки переустройства общества на основании заранее заданной схемы, основанной, конечно, на самых передовых прогрессивных принципах рационализма, резко противопоставившего себя всяким старинным традициям.

По этой причине подготовка к созданию Лицея приобрела характер активной дискуссии, затрагивающей важнейшие мировоззренческие вопросы.

Документ «Первоначальное начертание особенного Лицея» в декабре 1808 года был передан на рассмотрение императору Александру I, после чего царь передал её тогдашнему министру народного просвещения графу Алексею Кирилловичу Разумовскому. Разумовский, после обсуждения с крупным философом Жозефом де Местром, посланником сардинского короля, мнение которого он ценил, представил императору замечания. Ж. де Местр, ознакомившись с проектом устава, выступал резко против многих его положений. Он считал, что система воспитания, основанная на идеях Просвещения, ярким противником которой был сам де Местр, во Франции «произвела менее чем в тридцать лет то ужасное поколение, которое опрокинуло алтари и зарезало короля французского».

В проекте появилось требование, что воспитанники должны предоставить документы, подтверждающие дворянское происхождение. Эти замечания были внесены в проект. Но главная идея была сохранена: Лицей оставался учебным заведением, созданным для «образования юношества, особенно предназначенного к важным частям службы Государственной», а «в правах и преимуществах» был уравнен с российскими университетами. Постановление о Лицее и Устав были утверждены Александром I 2 августа 1810 года, после чего наступил период формирования штата профессорско-преподавательского состава, а также конкурсный отбор будущих учащихся.

Система образования в Лицее была построена на традициях европейского и русского просвещения, с учётом достижений педагогической практики. Профессора Лицея получали образование не только в России, но и за границей – в Германии и во Франции. Педагоги сами создавали учебную литературу, которая издавалась небольшими тиражами и привлекала внимание.

М.М. Сперанский и первый директор Лицея В.Ф. Малиновский думали, что, создав «новых людей», можно преобразовать Россию. «Уникальное учебное заведение, каковым был Лицей на протяжении его истории, формировало высочайший уровень гуманитарной культуры своих воспитанников, что создавало условия для развития их литературных способностей...» (*Некрасов, 2007*).

Таким образом, Лицей стал не просто учебным заведением, а проектом создания нового человека в соответствии с философией просветителей. И сами сотрудники Лицея были в первую очередь, просветителями в философском значении слова. И они были царскосельскими философами-практиками.

Преподаватели Лицея

Так, Василий Федорович Малиновский (1765–1814 гг.), первый директор Лицея (с 2 июня 1811 г.), сыграл большую роль в организации воспитания учащихся, лицейского быта, создал в лицее атмосферу свободомыслия, которую называли «лицейским духом». Современники вспоминали, что кафедры Лицея были своеобразной трибуной для пропаганды взглядов. При вступлении на пост директора он оговорил за собой право лично подбирать преподавателей. Пригласил в Лицей адъюнкт-профессоров из Петербургского педагогического института: Александра Ивановича Кунницына — по нравственным наукам, Ивана Кузьмича Кайданова — по историческим и географическим и Якова Ивановича Карцова — по географическим. Из Москвы вызвал доктора философии профессора российской и латинской словесности Николая Федоровича Кошпанского, а из Петербургского Екатерининского института благородных девиц пригласил профессора французской словесности Давида Ивановича де Будри, родного брата французского революционера Ж.-П. Марата.

Василий Федорович Малиновский родился в Москве в семье священника при Московском университете, Федора Авксентьевича, человека передовых убеждений, который во время следствия по делу Новикова был заподозрен в принадлежности к его кружку и в масонстве (*Руденская и Руденская, 1986б*). В 1781 году окончил философский факультет Московского университета и был принят на службу в Московский архив коллегии иностранных дел. К этому времени относится и начало его литературной деятельности.

Брат Малиновского, Алексей Фёдорович Малиновский (1762–1840 гг.) также занимает в русской культуре почетное место — писатель, архивист, историк, археолог. До конца жизни возглавлял Московский архив иностранных дел, прослужив там около 62 лет. Василий Федорович был близким другом Н.М. Карамзина. В начале царствования Александра I выступил со своим проектом отмены крепостного права.

В.Ф. Малиновский занимался философией, историей, литературой, свободно владел многими иностранными языками, сочинял прозу и стихи не только на родном русском, но и на европейских и восточных языках. В первый период жизни Малиновский состоял на дипломатической службе. В 1789 году работал в Лондоне в русской миссии. После окончания русско-турецкой войны 1787–1791 годов как знающий турецкий язык присутствовал на Ясском конгрессе.

О принципиальности Малиновского свидетельствует такой факт. Несмотря на победу в войне России, война не привела к освобождению Молдавии из-под турецкого ига. Восприняв несправедливое решение Ясского конгресса, в письме к министру иностранных дел В.П. Кочубею писал: «... при мне совершилось последнее постановление, которое решило участь Молдавии и Валахии; свидетель я был оскорбления и сожалений добрых патриотов о возвращении их отечества прежним врагам...любовь отечества и с нею честь народа не по чинам и степеням службы оживляет сердце благородное; я принял сии выговоры, сии упреки, как мне лично сделанные, и помнил сии земли, всегда на сердце их носил» (*Чтения в Императорском обществе..., 1863*).

В 1800–1802 годы Малиновский был генеральным консулом в Молдавии и проявил себя там как честный и неподкупный деятель, выступал в защиту угнетенного молдавского народа и имел среди него высокий авторитет и уважение. Из Ясс в ноябре 1802 года направил В.П. Кочубею «Записку об освобождении рабов» (*Малиновский, 1958*), в которой доказывал необходимость отмены крепостного права. После возвращения в Санкт-Петербург начал издавать еженедельник «Осенние вечера», всего осенью 1803 года вышло 8 номеров. По-видимому, статьи «О войне», «Любовь России», «История России», «Своя сторона», напечатанные в № 2, 3, 5, 6, 8 написаны самим Малиновским.

Одна из работ Малиновского — «Рассуждения о мире и войне», была создана в 1790-х годах и опубликована в 1803 году в Петербурге за подписью «В.М.». Резко осуждая войны, несущие разорение, разоблачая идеи об их необходимости, развенчивая славу победителей, Малиновский выступал поборником мира. Разделял войны на захватнические и справедливые и считал защиту отечества священным долгом гражданина.

Идеи Малиновского отразились и в его практической деятельности на посту директора Лицея. По его мысли, каждого воспитанника прежде всего надо приучать к самостоятельному и критическому мышлению, каждый из них должен стремиться к высокому нравственному идеалу, жить и трудиться для воплощения в жизнь идей добра, жить «для общей пользы», руководствуясь идеями высшего патриотизма. Вероятно, Малиновский был членом тайного преддекабристского общества. В своем письме к знакомому (имя не установлено) он писал: «Лично говорю тебе, любезный друг, ибо кроме стен нет и не должно быть слушателей. Но не то будет, когда мы решимся привести в образ жизни и обычаи правила друзей человека, тогда и в «мужике», и в соседу, и в госте найдем себе собеседника-товарища или сочлена и помощника, ибо тогда будут все наши беседы, как теперешние собрания, и вся жизнь — исполнение правил нашего общества» (*Руденская и Руденская, 1986а*).

Малиновский стремился развивать не только дух, но и здоровое тело лицеистов. В архивах сохранились записи, из которых видно, что он уделял большое внимание физическому воспитанию учеников. По его распоряжению детям покупали мячи и различные игры, устраивали катанье на шлюпках по царскосельскому озеру, практиковались загородные прогулки в Павловск, Колпино и другие места (*Руденская и Руденская, 1986а*).

Малиновский не довел первый выпуск до конца, но повлиял на формирование идеалов воспитанников Лицея, способствовал созданию «вольнлюбивого духа», которым отличался первый, пушкинский выпуск.

В.Ф. Малиновский скоропостижно умер 23 марта 1814 года, был похоронен рядом с Самборским на Охтинском кладбище. Место захоронения в 1961 году была найдено, и по инициативе М.П. Руденской на памятнике В.Ф. Малиновского была установлена мемориальная доска (*Руденская и Руденская, 1986а*).

Малиновский, будучи кристально честным человеком, за свою жизнь не скопил никакого имущества, после него осталось шесть детей без всяких средств к существованию (младшей дочери Марии было 4 года), жена Малиновского умерла

раньше его, в 1812 году в возрасте сорока лет. В 1958 году в СССР были изданы отдельные сочинения Малиновского (*Малиновский, 1958*).

Другим видным философом, и одновременно практиком в формировании нового человека был Александр Петрович Куницын. Он родился в 1783 году в селе Кое Кашинского уезда Тверской губернии, и был одним из пяти сыновей бедного сельского священника. Образование получил в духовном училище своего уезда, затем в Тверской семинарии, где был одним из лучших выпускников. В 1803 году он был переведён в Санкт-Петербургский педагогический институт и окончил его в 1807 году по курсу нравственно-политических наук. Педагогический институт создавался на основе Учительской гимназии и рассматривался как «отделение имеющего утвердиться в Санкт-Петербурге университета» (*Санкт-Петербургский университет..., 1921*). Кафедры института в основном заняли учёные с энциклопедическим образованием. А из-за недостатка в стране высшего профессорского состава ученые приглашались из-за границы, причем преимущество имели профессора из Галиции, Закарпатской Украины. Министр народного просвещения П.В. Завадовский отмечал: «Один народ, от которого нам можно желать ученых, есть карпатороссы, говорящие одним с нами языком и сохраняющие веру предков наших» (*Косачевская, 1971*). Среди педагогов особенно выделялся М.А. Балутьянский, читавший курсы политэкономии, финансов, дипломатики. (Впоследствии в 1816 года М. Балутьянский стал деканом философско-юридического факультета Главного педагогического института, а с 1819 по 1821 годы — был первым ректором основанного на базе института Санкт-Петербургского университета.) По словам одного из студентов, «дни, в которые к нам приходил на уроки профессор Балутьянский» были для нас светлым праздником. С восторгом бежал каждый из нас в классы, узнав о его прибытии. Самые отвлечённые умозрения о капитале, о банках, о кредите нисколько не утомляли нас, напротив, возбуждали самый высокий интерес и любознательность. Балутьянский, державшийся весьма кротко и вежливо, но с большим достоинством, был всеобщим любимцем студентов. После отбытия его из классов (...) говорили о его лекциях, рассуждали, спорили и научались...» (*Исторические бумаги К.П. Арсеньева ..., 1872*).

Куницын впервые с ним встретился и следовать его урокам он будет годы спустя, став адъюнкт-профессором. В 1808 году как один из лучших учеников в числе 20 выпускников «за отличные успехи и примерное добронравие по высочайшему повелению отправлен был путешествовать в иностранные земли для усовершенствования себя по части политических наук». Изучал дипломатию, право и политические науки в Геттингенском, Гейдельбергском и Парижском университетах. В «Начертании об отправлении студентов Санкт-Петербургского Педагогического института в чужие края» говорилось: «предметом их пребывания в чужих краях будет то, чтоб усовершенствовать себя в науках, по которым они могли бы в будущем занять места адъюнктов и профессоров для составления по крайней мере двух полных факультетов: нравственно-политического и физико-математического» (*Яценко, 1992*).

Во время путешествия Куницын сблизился с Николаем Тургеневым, будущим деятелем Северного тайного общества. Они вместе поселились, вместе посещали лекции. Тургенев ещё в студенческие годы формулировал идеи об отмене крепостничества. Для русских разночинцев же, впервые оказавшихся в необычной среде разноречивых

сверстников, необычными были условия свободы, студенческого братства, уважения к личности.

По возвращении весной 1811 года приступил к преподаванию в Педагогическом институте под начальством любимого наставника М.А. Балутьянского, выдержал экзамен и был произведён в звание адъюнкт-профессора, а 17 августа 1811 года был определён в новое учебное заведение — Императорский Царскосельский лицей. С открытием в 1814 году Лицейского благородного пансиона там стал одновременно преподавать нравственные и политические науки. 28 ноября 1816 года был произведён в профессора 7-го класса. Педагогическая деятельность А.П. Куницына в Лицее была непродолжительной, с 1811 по 1821 годы. Но среди преподавателей лицея он занимал особое место — он оказался единственным наставником Пушкина, которому поэт особо посвящал поэтические строки в зрелые годы.

При открытии лицея на всех произвела речь Куницына, в которой он сказал: «... Вы будете иметь непосредственное влияние на благо целого общества. Забота о народе — вот важнейшая задача государственного человека, он обзревает состояние граждан, измеряет их нужды и недостатки, предвещает несчастья, им угрожающие, или прекращает постигнувшие их бедствия. (...) Приготовляясь быть хранителями законов, научитесь, прежде всего, почитать оные, ибо закон, нарушенный блюстителями оного, не имеет святости в глазах народа» (*Речи, произнесённые при открытии ...*, 1811).

Заканчивая свою речь, А.П. Куницын сказал: «Среди сих пустынных лесов, внимавших некогда победоносному Российскому оружию, вам поведаны будут славные дела героев, поражавших враждебные страны. На сих зыбких заветах вам показаны будут яркие следы ваших родоначальников, которые стремились на защиту Царя и Отечества, - окруженные примерами добродетели, вы ли не воспламенитесь к ней любовью? <...> Вы ли захотите смешаться с толпою людей обыкновенных, поглощаемых ежедневно волнами забвения? Нет. — Да не развратит мысль сия вашего воображения! Любовь к славе и Отечеству должны быть вашими руководителями!».

Речь поразила всех — от лицеистов до императора Александра I, немедленно пожаловавшего оратору орден Святого Владимира 4-й степени (*Некрасов*, 2007).

Об этом дне Пушкин напишет:

Вы помните: когда возник Лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей...

На младшем курсе особо внимание уделялось преподаванию нравственности, но существовала и проблема неравенства. Как пишет современный исследователь О.А. Яценко, «в Лицее профессора и преподаватели из разночинцев столкнулись с сословной рознью между профессорами-«поповичами» и учениками-дворянами. Это характернейшее явление в дворянских учебных заведениях. Лицей, в отличие от Пажеского корпуса, не был аристократическим учебным заведением, и в нем сословная рознь была слабее, но о её наличии свидетельствуют желание А.М. Горчакова оставить Лицей, записки Корфа, в которых он отзывался о своих наставниках с пренебрежением. Биограф Пушкина Анненков, описывая расправу с ненавистным инспектором М.

Пилецким, ссылаясь на «возмущенное аристократическое чувство лицейстов, как на первую, хотя и не единственную причину». Поэтому центральной задачей нравственной науки оказалась необходимость искоренения этого порока, который, по словам Малиновского, происходил от «воспитания, житья и обхождения с рабами». Куницын, после трех лет преподавания составил «Частные правила для воспитанников Лицейского Пансиона», открывшегося в 1814 году: «Каждый должен помнить, что начальники стараются о его благополучии и потому любовь к ним есть необходимая должность всех воспитанников. (...) Все воспитанники равны, как дети одного отца или семейства, и потому никто не может презирать других или гордиться перед прочими чем бы то ни было. Если кто замечен будет в сем пороке, тот занимает самое низшее место по поведению, пока не исправится. (...) Воспитанники не могут обходиться со служителями сурово и жестоко. Запрещается кричать на служителей или бранить их, хотя бы они были их крепостные люди. Только предписанных услуг можно требовать от служителей» (*Селезнёв, 1861*).

Преподаванию политических и нравственных наук в Лицее, которым придавалось важное воспитательное значение. В документе «Грамота, пожалованная Императорскому Лицею императором Александром I (22 сентября 1811 г. Пг., 1916 г.) сказано, что «Под именем наук нравственных понимаются все те понятия, которые относятся к нравственному положению человека в обществе и, следовательно, — понятия об устройстве гражданских обществ и о правах и обязанностях, отсюда вытекающих». Полный курс был рассчитан на 6 лет обучения и состоял из 12 циклов:

1. Психология.
1. 2 Логика.
2. Нравственность (этика).
3. Право естественное частное.
4. Право естественное публичное.
5. Право народное.
6. Право гражданское русское.
7. Право публичное русское.
8. Право уголовное.
9. Право римское.
10. Финансы.
11. Политэкономия.

В 1812 году Куницын публикуется в журналах «Сын Отечества», где помещены его статьи «Послание к русским», «Замечания на нынешнюю войну», «Речь скифского посла Александру Македонскому». С открытием в 1814 году Лицейского благородного пансиона Куницын стал одновременно там преподавать нравственные и политические науки. 28 ноября 1816 года был произведен в профессора 7-го класса. Педагогическая деятельность А.П. Куницына в Лицее была непродолжительной, с 1811 по 1821 годы. Но среди преподавателей лицея он занимал особое место — он оказался единственным наставником Пушкина, которому поэт особо посвящал поэтические строки в зрелые годы.

Куницын выписывал через Конференцию Лицея пособия и книги для лицейской библиотеки. Первыми в библиотеку Лицея в 1811 году были приобретены «Логика» Якоба и книга «О должностях человека и гражданина». Единого пособия по нравственным и политическим наукам не существовало, и Куницын неоднократно просил Конференцию Лицея приобрести для библиотеки Лицея «Жизнеописание великих людей» Плутарха, книги, необходимые для подготовки к лекциям. Он писал, что вынужден преподавать нравственные науки по рукописи, которую составил, руководствуясь сочинениями Канта, Шмальца, Гуфеланда, Клейна и книгой Монтескье «О разуме законов». Рукопись эту он давал переписывать воспитанникам, что создавало и для них, и для него неудобство. 3 сентября 1816 года он обратился в Конференцию Лицея, что намерен напечатать свою рукопись и систематизировать обозрение политических наук (*Руденская и Руденская, 1986а*). «Право Естественное. Сочинение профессора императорского Лицея Александру Куницына» вышло в 1818 году, когда первые выпускники уже закончили обучение.

Стиль и манера преподавания Куницына отличались от стиля Малиновского — нет свидетельств о неофициальных отношениях с учениками. Все вспоминали о нем в служебной обстановке, на кафедре, а не в быту. На старших курсах стал требовать выучки своих тетрадей. Но это объяснялось политическими изменениями. В 1812 году произошла отставка Сперанского, что показало зыбкость реформ Александра I. Куницын, как и Сперанский был сыном сельского священника. Н. Тургенев писал: «Сперанский, выйдя из низов, достиг высоких должностей Империи. Его происхождение, несомненно, весьма способствовало его падению. Он был сыном сельского священника. Так называемое русское дворянство обнаруживает презрение к духовенству, в особенности к тем, кто, принадлежа раньше к этому сословию, достиг высокого поста; и народ, по-видимому, часто разделяет это презрение» (*Тургенев, 1915*).

Куницын на старшем курсе приступает к чтению «Энциклопедия прав». «Кто поступает с другими людьми, как с вещами, тот противоречит понятиям собственного разума. (...) Никто не может приобрести права собственности на другого человека ни противу воли, ни с его согласия; ибо право личности состоит в свободе располагать самим собой. (...) Употребление власти общественной без всякого ограничения есть тиранство, и кто оное производит, есть тиран. Никто не имеет права быть тираном, ибо никто не может быть без законных пределов в употреблении власти» (*Куницын, 1818–1820*).

Кроме преподавания, в обязанности профессоров входило и написание научных трудов, к которым относились руководства для преподавания наук, статьи. Ещё в 1812 году по требованию министерства на заседании Конференции Лицея слушали предписание «об истребовании от г. адъюнкт-профессора Куницына сочиняемой им учёной книги для преподавания ифики (этики), если она кончена» (*Яценко, 1992*). Такой учебник Куницына неизвестен, но зато он заявил о желании написать книгу о Российском законодательстве. Известно, что книга была закончена в 1825 году, киевский митрополит Е. Болховитинов писал Перевоицкову в Дерптский университет о ней хвалебный отзыв: «Рукопись сия... замечательная по обширным и глубоким исследованиям, извлечённым из летописей, грамот и древнего (средних веков) Северного права» (*Яценко, 1992*).

«Историческое изображение древнего судопроизводства в России» Куницына издал в 1843 году Балугьянский, уже после смерти автора.

В 1816-1820 годы Куницын читал публичные лекции и выступал на частных квартирах. Общая направленность лекций была в полном отрицании абсолютизма и крепостничества. В 1818 году — пик публицистической активности Куницына: на страницах журнала «Сын Отечества» появляются его статьи: «О состоянии иностранных крестьян», «О конституции», разбор речи Уварова в Педагогическом институте, рассмотрение кн. Н. Тургенева «Опыт теории налогов». Он писал: «Сохранение свободы есть общая цель всех людей, которую могут они достигнуть только соблюдением взаимных норм и точным исполнением обязанностей... Каждый человек внутренне свободен и зависит только от законов разума, а посему другие люди не должны употреблять его средством для своих целей. Кто нарушит свободу другого, то поступает противу его природы; и как природа людей, несмотря на различие их состояния, одинакова, то всякое нападение, чинимое несправедливо на человека, возбуждает в вас негодование. Сие служит доказательством тому, что справедливость людям естественна».

Его главное произведение «Право естественное» (*Куницын, 1818–1820*). Первая часть вышла в 1818, вторая в 1820 году, тиражом 1000 экземпляров Книга предназначалась для учебных заведений и Лицей приобрёл 500 экземпляров обсуждалось на ученом Совете о преподнесении книги императору Александру I, но несмотря на положительные отзывы, Совет не решился — изменился дух времени. Министерство народного просвещения в 1817 году было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения, а в 1819 году в Карлсбаде состоялась конференция государств Германского союза во главе с Меттернихом, целью которой было подавление любого демократического движения... Эти события получили отклик и повлияли и на отношение к образованию в России.

Согласно постановлению, устанавливался правительственный надзор за университетами, жёсткая цензура. В университетах начались гонения на профессоров и студентов. В России в январе 1820 года вышли «Инструкции директору Казанского университета», составленная М.А. Магницким, которая была распространена в Петербурге в октябре 1821 года.

Все эти события повлияли и на отношение к Куницыну. М.А. Магницкий так отзывался о книге Куницына: «Она есть не что иное, как сбор пагубных лжеумствований, которые, к несчастью, довольно известный Руссо ввел в моду. (...) Врагу божию три года только нужно было, чтобы довести дело свое от кафедры Куницына до потрясения Неаполя, Турина, Мадрида, Лиссабона». После рассмотрения книги Ученый комитет вынес решение: «Продажа и употребление оной признаются вредными и опасными, посему необходимо ее запретить» (*Саловъёв, 1914*). После этого 30 октября 1820 года состоялось заседание, после которого Куницын покинул Лицей, доведя до выпуска второй лицейский курс.

С 1821 году стал преподавать в Педагогическом институте. В том же году вышло распоряжение министра изъять все находившиеся в Лицее, пансионе и других учебных заведениях экземпляры «Права Естественного». В главном правлении училищ по рассмотрении книги вынесено решение: «По принятому в ней за основание ложным началам и выводимому из них вредному учению, противоречащему всех связей семейственных и государственных, книгу сию, как вредную, запретить повсюду к преподаванию по ней и притом принять меры к прекращению во всех учебных

заведениях преподавания естественного права по началам столь разрушительным, каковы оказались в книге Куницына». Начальству Лицея было сделано строгое замечание, Куницына отстранили от службы по министерству народного просвещения. А с 1820 по 1827 годы в стране было вообще запрещено преподавание естественного права.

А.С. Пушкин откликнулся на отставку Куницына «Посланием цензору»:

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?

Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами,

Не понимая нас, мараешь и дерешь,

Ты черным белое по прихоти зовешь.

Сатиру пасквилем, поэзию развратом,

Глас правды — мятежом, Куницына Маратом.

Случай с Куницыным стал первым поводом для расправы с профессурой в ноябре 1821 года.

В дальнейшем А.П. Куницын служил в канцелярии министерства финансов, затем, по ходатайству Сперанского в 1826 году был определён во II отделение Собственной канцелярии и участвовал в составлении Свода законов. Также Сперанский пригласил для работы М. Корфа и М. Яковлева, воспитанников второго курса Лицея. Так начался другой период его жизни. Он стал регулярно получать чины, ордена и награды. Последняя должность — директор департамента духовных лиц иностранного вероисповедания. Куницын был женат, детей не имел. Умер в 1841 году и был похоронен в Петербурге на Георгиевском кладбище (Большая Охта), могила утеряна.

Среди трудов Куницына можно назвать:

- Изображение взаимной связи государственных сведений. — СПб., 1817;
- Право естественное. — СПб., 1818–1820. В 2-х тт.;
- Историческое изображение древнего судопроизводства в России. — СПб., 1843.

Другим видным царскосельским лицейским педагогом был Николай Федорович Кошанский (1781-1831 гг.) — единственный, кто в Лицее имел ученую степень, самый молодой профессор Лицея. Происходил он из бедной дворянской семьи, в которой не было ни недвижимого имущества, ни крестьян. В 17 лет окончил Московский университет благородном пансионе с золотой медалью, учился сразу на двух факультетах — юридическом и философском. В университетском благородном пансионе были литературные собрания воспитанников, на собраниях председательствовал В.А. Жуковский и интерес Кошанского к поэзии и художественным занятиям ярко проявился уже тогда. В 22 года он защитил диссертацию, был удостоен звания доктора философских наук. Знание множества иностранных языков (греческого, латинского, французского, немецкого, английского) способствовало его литературной деятельности в качестве переводчика и составителя учебников. Через Конференцию выписывал для библиотеки сочинения Ломоносова, Державина, Хераскова, Дмитриева, Жуковского, Воейкова, по латинской словесности — произведения Корнелия Непота.

Хорошо знал Кошанский древнюю литературу, сумел к ней привить интерес и любовь у своих учеников. В 1811 году был издан его перевод греческой поэзии «Цветы греческой поэзии», а в 1814 году издан перевод «Басни Федре». В Лицее читал курс российской словесности, особое внимание уделял М. Ломоносову как «основоположнику

русской грамматики, основанной на живой русской речи». В то время во всех учебных заведениях пособием была кн. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге», Кошанский тоже её использовал.

После смерти Малиновского 4 апреля 1814 года слушали предписание министра о том, что должность директора Лицея «исправлять передано» профессору Кошанскому, но Кошанский через месяц заболел и обязанности директора министр Разумовский исполнять поручил профессору Гауеншильду, а преподавать российскую и латинскую словесность был приглашён Галич.

В 1816 году, когда министром был назначен князь А. Н. Голицын, а директором Энгельгардт, Кошанский вновь приступает к преподаванию. Уволился из Лицея 15 марта 1828 года в связи с болезнью. Среди его трудов выделялась «Общая риторика» (1829 г.). Выдержала десять изданий за 20 лет, по 1849 год.

«Настоящим» философом в Лицее был Галич Александр Иванович (настоящая фамилия — Говоров), (1783–1848 гг.) адъюнкт-профессор философских наук. Был приглашен в Лицей вместо заболевшего Кошанского преподавать российскую и латинскую словесность, учитель А.С. Пушкина, литератор, философ. В Лицее был всего 1 год. В дальнейшем — профессор Санкт-Петербургского университета, один из первых последователей Шеллинга в России. Галич оставил многочисленные труды по разным направлениям философии. Из всех трудов совсем недавно был переиздан «Опыт философского словаря» (Галич, 2008). Остальные работы ждут исследования и переиздания:

- Наука нравов, или философское наставление в добродетели. Пер. с нем (А. Галича). — СПб., 1833;
- История философских систем, по иностранным руководствам составленная и изданная. В 2 книгах. — СПб., 1818-1819;
- Картина человека: Опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий. — СПб., 1834;
- Лексикон философских предметов. — СПб., 1845;
- Летопись факультетов на 1835 год. — СПб., 1835;
- Логика, выбранная из Клейна. — СПб., 1831;
- Опыт науки изящного. — СПб., 1825;
- Словарь русских синоним или сословов, составленных редакцией нравственных сочинений. В 2-х частях. — СПб., 1840;
- Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений, извлеченная из немецкой библиотеки словесных наук. — СПб., 1830;
- Хронологическая таблица древней истории философии. — СПб., 1830;
- Черты умозрительной философии, выбранные из В-б-ра, Кл-на, Т-н-ра и др. — СПб., 1829.

«Две его наиболее значительные работы — «Всеобщее право» и «Философия истории человечества» — погибли во время пожара). Под конец жизни он «впал в болезни и нищету», оказался в бедственном положении и был вынужден жить в доме Н.И.

Греча, в прошлом своего идейного противника. Умер в 65 лет, похоронен в Царском Селе, на Казанском кладбище, место захоронения утеряно.

Заключение

Научные общества – представляют собой исторически сложившуюся форму организации науки, хорошо осознаваемую их создателями: «Наблюдения и опыты, производимые над образующимися народами, свидетельствуют, что между всеми средствами способствовать повсеместным успехам просвещения, самым удобным может быть учреждение Учёных Обществ, которые будучи одушевляемы и руководимы творческим духом правительства, стремятся действовать совокупными силами к одной благородной цели» (*Труды общества ревнителей русской словесности, 1812*).

Таким образом, процессы формирования нации тесным образом связаны с национальной культурой, складыванием культурных центров, распространения образования, печати и пр. В момент формирования нации важную роль приобретает проблема языка – его распространения, создания норм национального литературного языка. Поэтому исследование культуры следует совместить с лингвосоциальной проблематикой. Если историки-слависты, литературоведы, языковеды уже проводят сравнительно-типологические исследования, поскольку уже существуют и достаточно разработаны отдельные национальные истории, истории литератур, накоплен языковедческий материал, то в отношении истории культуры предстоит ещё большая работа.

Список источников информации:

- Абаренков В. П., Аверкин А. Г., Агешин Ю. А. (1983). *Краткий политический словарь*. Москва: Политиздат.
- Аверьянов, Ю. И. (сост.) (1993). *Политология: энциклопедический словарь*. Москва: Издательство Московского Коммерческого Университета.
- Ануфриев, Н. (1916). Правительственная регламентация образования частных обществ в России. *Вопросы административного права*, 15-44. Москва.
- Артемьева, Т. В., Микешин, М. И. (2020). *Интеллектуальная культура эпохи Просвещения в Росси. Учебное пособие*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский центр истории идей, Издательство «Политехника Сервис».
- Артемьева, Т. В. (2009). Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы (от Петра I до Екатерины II). *Вопросы философии*, 9, 44-55.
- Буйчик, А. Г. (2019). Клирономия – наука о сохранении историко-культурного наследия. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*, 3 (90), 90-93.
- Галич, А. И. (сост.) (2008). *Опыт философского словаря*. Санкт-Петербург: Иваново.
- Геллнер, Э. (1991). *Нации и национализм*. Москва: Прогресс.
- Национализм (2005, 24 февраля). Глоссарий.Ру. http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RNng.outgrons
- Горев, А. В. (1984). *Махатма Ганди*. Москва: «Международные отношения».

- Горлова, И. И., Коваленко, Т. В., Зорин, А. Л. (2018). О соотношении понятий «культурное наследие» и «памятники культуры» в контексте разных исторических эпох. *Культурное наследие России*, 4, 3-8.
- Данн, О. (2003). Нации и национализм в Германии. 1770-1990. Санкт-Петербург: Наука.
- Дашкова, Е. Р. (1783). *Речь, говоренная при открытии Императорской Российской академии октября 21 дня 1783 года*. Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук.
- Ильин, И. А. (1992). *Наши задачи*. Москва: Рарог.
- Исламов, Т. И., Лециловская, И. И., Ненашева, З. С. (1996). *Славянские матрицы. XIX век: коллективная монография в 2 ч*. Москва: ИСБ РАН.
- Исторические бумаги К.И. Арсеньева, изданные академиком П. Пекарским. (1872). *Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. 9*. Санкт-Петербург.
- Каган, М. С. (1996). *Град Петров в истории русской культуры*. Санкт-Петербург: ООО «Издательская торговая компания «Наука-Бизнес-Паритет».
- Кампе, И. Г. (1783-1785). *Детская библиотека*. Санкт-Петербург: Изданием Императорской Академии наук.
- Кола, Д. (2001). Политическая социология. Москва: Весь мир, ИНФРА-М.
- Коломинов, В. В., Файнштейн, М. Ш. (1986). *Храм муз словесных. (Из истории Российской академии)*. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Копелевич, Ю. Х., Ожигова, Е. П. (1989). Научные академии стран Западной Европы и Северной Америки. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Козлова, Г. (ред., сост.) (1989). *Опыт словаря нового мышления*. Москва: Прогресс.
- Косачевская, Е. М. (1971). *Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Куницын, А. П. (1818-1820). *Право естественное*. Санкт-Петербург.
- Ленин, В. И. (1958-1965). *Полное собрание сочинений. Т. 39*. Москва: Госполитиздат.
- Леонтьев, А. А. (1998). *Культуры и языки народов России, стран СНГ и Балтии*. Москва: Московский психолого-социальный институт, Флинта.
- Малиновский, В. Ф. (1958). *Избранные общественно-политические сочинения*. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Молчанов, С. Н. (сост.) (2003). *Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия. Ч. 2*. Екатеринбург: Банк культурной информации.
- Некрасов, С. М. (2007). *Лицейская лира: Лицей в творчестве его воспитанников*. Санкт-Петербург: Вита-Нова.
- Осипов, Ю. С. (гл. ред.) (2000). *Летопись Российской академии наук. Т. 1. 1724-1802*. Санкт-Петербург: Наука.
- Победоносцев, К. П. (2004). *Великая ложь нашего времени*. Москва: Развитие духовности, культуры и науки.
- Расторгуев, В. Н. (2018). Цивилизационное наследие России: методология исследовательской программы и контуры долгосрочной стратегии. *Материалы Всероссийской конференции «Цивилизационный путь России: культурно-историческое наследие и стратегия развития»*, Журнал института наследия, 2 (13), 1.

- Речи, произнесённые при открытии Императорского Царскосельского Лицея (1811). Санкт-Петербург.
- Романтизм (2015). Большая Российская энциклопедия. Т. 28. Москва: БРЭ.
- Руденская, М. П., Руденская, С. Д. (1986а). *«Наставникам ... за благо воздадим»*. Ленинград: Лениздат.
- Руденская, М. П., Руденская, С. Д. (1986б). *С лицейского порога*. Ленинград: Лениздат.
- Русский Архив. 1890. Т. III.
- Садохин, А. П., Грушевицкая, Т. Г. (2001). Этнология. Москва: Академия.
- Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления (1994). *Сборник статей. Российская академия наук. Институт философии*. Москва: Фирма «АРГО».
- Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819-1919. Т. 1. (1921). Петроград.
- Селезнёв, И. (1861). *Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского Лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 г.* Санкт-Петербург.
- Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 1-6. (1806-1822). Санкт-Петербург.
- Соболева, Е. В. (1983). *Организация науки в пореформенной России*. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Соловьёв, И. М. (1914). Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Санкт-Петербург.
- Сухомлинов, М. И. (сост.) (1885-1900). *Материалы для истории императорской Академии наук. Т. I-X*. Санкт-Петербург.
- Труды общества ревнителей русской словесности. Ч. 1 Кн. 1-2. (1812). Москва.
- Тургенев, Н. И. (1915). Россия и русские. Москва: К.Ф. Некрасов.
- Тычинина, Л. В. (2010). Великая дружба под сенью Царского Села. Екатерина II и Е.Р. Дашкова. *Сборник Царское Село на перекрестке времен и судеб. Материалы XVI научной Царскосельской конференции*, 2, 307-313. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа.
- Файнштейн, М. Ш. (2002). *«И славу Франции в России превзойти...» Российская Академия (1783-1841) и развитие гуманитарных наук*. Санкт-Петербург: Архив Российской Академии наук, Санкт-Петербургский филиал.
- Фёдорова, М. М. (1997). *Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века*. Москва: Российская академия наук, Институт философии.
- Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1, раздел V (смесь). (1863). Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Собко.
- Шишков, А. С. (1870). *Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова: в 2-х т. Т. 2*. Берлин: Н. Киселева и Ю. Самарина.
- Яценко, О. А. (1992). «Жуницыну дань сердца и вина...». ...II в просвещении стать с веком наравне. *Сборник научных трудов*. Санкт-Петербург: Образование.
- Clarkson, J. P. (1950). "Big Jim" Larkin: a Foot not to Nationalism. *Nationalism and Internationalism*, 45-63. N.Y. (на англ.)

Munjeri, D. (2007). Tangible and intangible Heritage: from Difference to Convergence. Cultural Heritage. *Critical Concepts in Media and Cultural Studies*, 4, 324-336. London: Routledge. (на англ.)